

В ИНТЕРЬЕРЕ СЕМЕЙНОЙ

Виктор
РОЗОВ

ДРАМЫ

ТЕАТР

Олег Ефремов

в пьесе А. Гельмана

«Наедине со всеми»

ВСЕ ПЬЕСЫ Александра Гельмана вызывают споры и самые разноречивые суждения. Это естественно. Они животрепещущие и категоричные. Последней его пьесе «Наедине со всеми», поставленной одновременно в двух московских театрах — во МХАТе и в «Современнике», — уготована та же участь. Оба спектакля интересны. Но я буду говорить о спектакле МХАТа, чтобы высказать несколько соображений в чем-то даже общего характера. Автор просматривает прежние всегда волнующие его ситуации с новой точки зрения, через семью.

Для меня пьеса «Наедине со всеми» не о неполадках на строительстве, которые привели к трагедии в доме Голубевых, не о начальнике-карьеристе — это было бы слишком привычно. Нет, для меня пьеса Гельмана более глубокая и касается вечно го предмета исследования искусством человека и человеческих взаимоотношений. Так я ее увидел именно через Олега Ефремова — актера, всегда глубоко понимающего, в чем суть роли, которую он исполняет, сверхзадача всей пьесы и выражающего это с громадной силой художника и гражданина. Драму «Наедине со всеми» (хотя Гельман скромно назвал жанр — пьеса) можно назвать психологической. Все происходит в одной комнате, в спальне, и персонажей всего двое — муж и жена, че-

та Голубевых. Он — начальник СМУ, она — библиотечный работник. Неурядицы и даже безобразия на работе трагически вошли в семью: сын Голубевых Алексей лежит в больнице, ему ампутировали руки. И произошло это потому, что отец послал собственного сына, проходившего практику на стройке, на аварийно-опасный участок. Вот, как бы говорит автор, до чего может довести вас, всех, кто безобразно строит процесс труда, такая ваша деятельность. Получайте!

На протяжении всего действия пьесы Наташа, жена Голубева, охваченная горем, обвиняет, даже, можно сказать, распинает своего мужа.

Но странное чувство владело мною, когда я смотрел «Наедине со всеми» во МХАТе. Все мои симпатии были не на стороне Наташи, а именно на стороне виновника драмы — Андрея Голубева в исполнении Олега Ефремова. Более того, взволнованный спектаклем, я прошел за кулисы, чтобы поздравить автора и исполнителей, и у меня в адрес Ефремова вырвалась фраза: «А ведь вы очень положительный персонаж!» В чем дело?

Я давно считал, что Олег Николаевич Ефремов, создатель театра «Современник», режиссер, руководитель МХАТа, обладающий талантом и режиссера, и педагога, и организатора, — замечательный актер. И именно с большой буквы. Ефремов играет Андрея Голубева так, что его можно поставить в самый первый образец реалистического актерского искусства. Недаром драматург А. П. Штейн в антракте сказал мне: «Вы знаете, такое ощущение, будто это не актер, а человек, сию минуту вышедший прямо из зрительного зала». Замечу сразу: игра Ефремова не натуралистическая, не простецкая, «под жизнь», которую на сцене мы видим сплошь и рядом, которую нам преподносят как игру по системе Станиславского и которая к этой системе никакого отношения не имеет. Такой бескрылой игре я давно нашел сравнение: самолет бежит, бежит, бежит по бесконечной взлетной полосе, но так и не взлетает. А творчество — это полет, и сам Станиславский говорил: моя система есть подготовка к творческому акту, и только. Вот эту-то подготовку многие актеры и выдают за искусство. Обман! Может быть, самобман.

Ефремов знает, что такое творить. Он за кулисами уже пробежал всю взлетную полосу, а на сцену вылетает. Так вылетали Бабанова, Астангов, Штраух, Глизер, которых мне посчастливилось видеть именно в моменты выхода на сцену из-за кулис.

Олег Ефремов с первого выхода приносит с собой, в себе весь груз дня. Смесь глубокого горя, раздражения из-за неполадок на стройке, удвоения по поводу служебного продвижения — все, все совместило в нем, зримо нами. Со всем этим он приходит к самому ему близкому человеку — к жене. Кому же, как не самым близким, нести нам свои радости и печали?! Дом в числе прочего — это и кладовая, куда мы складываем все тяготы дня. Облегчаем душу, черпаем силы для дня следующего. Горе и беда людям, которым некуда положить эти свои тяжести, они обречены вечно носить их в себе. Неразделенное горе — двойное горе, неразделенная радость — не радость.

Не обнаружив Наташу в доме, Голубев звонит в больницу — не у сына ли его жена? С какой деликатностью Ефремов разговаривает с кем-то из персонала больницы, как нежно, по-отцовски произносит слова: «Нет-нет, сына будить не надо, пусть спит». И как через минуту, звоня на работу, яростно, гневно кричит: «Чтоб бетон завтра был!».

Долгие паузы, медленные внутренние монологи, зал сидит затаив дыхание, и, кажется, эти самые паузы могут длиться бесконечно оттого, что они доставляют наслаждение. Актер взял нас с собой, и мы живем его страданиями.

Личное обаяние Ефремова известно. Но на одном обаянии можно «ехать» на первых порах, в молодости, а потом нам подавай и нечто сверх этого обаяния, а то мы будем недовольны актером-спекулянтком, хотя у него и обаяние. Мы любим еще искусство и мастерство. Ефремов играет на одном дыхании всю роль. Имя этому дыханию... я позволю себе произнести сейчас в адрес Ефремова в роли Голубева великое слово — вдохновение. Я предполагаю, что такое состояние духа может не всегда сопутствовать актеру полностью, тут-то ему на помощь и приходят его ум и мастерство. В спектакле, который видел я, Ефремов играл безукоризненно. Может быть, не каждый спектакль он играет с такой силой. Что делать — одинаково ровно хорошо могут играть только актеры менее нервные и менее сильные.

Итак, жена яростно и даже истерически атакует своего мужа, обвиняя чуть ли не во всех смертных грехах: он прямой виновник увечья сына, подхалима, очковитиратель. Ни одной светлой черты, ничего человеческого. И вроде бы по сюжету пьесы все так и есть. Но почему же мне эта истерическая прокурорша так неприятна? Почему я сострадаю обвиняемому? Все шворот-навыорот. А вот, я думаю, почему. Ефремов играет не карьериста, не очковитирателя, не труса, не подхалима, а человека, находящегося в труднейших условиях, с которым случилось несчастье. Он борется, он мучается. Его мучения и по поводу увечья сына, и оттого, что процесс производства все годы ялажен скверно, и что начальник его жесток,

и что жена, которую он любит, все время от него чего-то требует, требует и требует. Все люди могут совершать ошибки и даже дурные поступки. Но степень человеческой ценности определяется не только, а может быть, не столько этими ошибками и дурными поступками, сколько тем, страдает ли человек от этих поступков или нет. Страдающие персонажи нам близки, мы можем им сочувствовать. К нестрадающим мы холодны, в лучшем случае испытываем любопытство. Ну представьте себе: в «Доходном месте» Островского Жадов, безумно любящий свою молодую жену, не идет к дядюшке просить доходного места, а стоически говорит Полине: «Уходи, жена, у нас разные взгляды на жизнь». В лучшем случае я бы подумал: очевидно, бывает и так, но ко мне никакого отношения не имеет. «Падение» Жадова приближает его ко мне и в его величии. Без этого «падения» Жадов — каменная статуя. Островский знал жизнь, а не выдумывал ее.

У обвинителя Наташи у самой рыльце не только в пуху, а прямо в перьях. Но ей хоть бы хны! Она чувствует себя во всем правой. Вот она-то и есть самый отрицательный персонаж! Что может быть подлее, чем сваливать свою вину на другого?!

С какой стоической выносливостью выслушивает Голубев Ефремов обвинения жены, как чистосердечно признает свои вину, как напряженно пытается объяснить жене сущность своих невеселых обстоятельств жизни, даже, я думаю, преувеличивает свои дурные черты. И только доведенный до иступления выплескивает из себя совершенно справедливые упреки жене. Какая это дивная сцена! Ефремов не злобен, не жесток даже в этих своих упреках, он сдерживает себя, пытается довести до сознания жены ее ужасную роль в его жизни. «Я твоя стройка!» — и раскрывает, каким отвратительным способом Наташа строила своего мужа, делая из «тюхи», как она его величала в молодости, вполне делового и преуспевающего человека.

Я затрудняюсь сказать, входило ли в замыслы автора пьесы показать сверных людей или нет. Но возможность сыграть Голубева откровенным карьеристом лежит на поверхности.

В конце пьесы Наташа уходит от мужа. И это в ночь накануне того утра, когда нужно ехать в больницу и привозить калеку-сына домой. Ай да полужительный персонаж! Ай да прокурор! Исклестанный, истерзанный, замученный Голубев остается один. В это время телефонный звонок. Звонит сын из больницы, ему что-то тревожно, не спится, он хочет голоса отца или матери, как поддержку жизни. И надо слышать, каким любящим, нежным, добрым голосом говорит Ефремов-отец с сыном.

«А мама спит?» — спрашивает Алеша, Ефремов в одно мгновение окидывает растерянным взглядом пустую спальню и мягким, ровным голосом отвечает: «Да, мама уже спит». И у меня, у зрителя, комок подкатывает к горлу.

Нет, Ефремов не играет безвольного, мягонького мужа под каблучком. В иных сценах он категоричен до жесткости, до беспощадности. Чувствуется незаурядность личности. Он занимает место начальника СМУ по праву, по силе характера, по таланту. И при всех вынужденных компромиссах, прежде чем на них идти, до предела сопротивляется и ищет более достойный выход. С какой решительностью, с каким взрывом негодования он произносит фразу: «Не надо, девушка, не надо!», когда жена просит пристроить ее на работу в трест, куда Голубева назнача-

ют начальником. Это же неприлично — сразу тащить за собой жену! Нет, нет, Голубев вполне порядочный человек. Обстоятельства жизни терзают, мучат его и морально, и физически — он уже заработал язву желудка — и все же не истребили в нем веру в возможность все наладить и организовать разумно.

Много в исполнении Ефремовым роли Голубева нового. Привычные понятия о каких-то явлениях жизни освещаются новым светом. Ну, например, он рад полученному повышению по службе. Казалось бы, как он смеет радоваться? У него изувечен сын. Увы! Впрочем, и «не увы» — так устроена жизнь. Таким создан человек. Он способен переносить непереносимое и продолжать жить. Это его вздорная жена-прокурор кричит: как он смеет быть счастливым! А мне приходит на ум стихотворение в прозе Тургенева «Щи», где на замечание барыни по поводу того, как крестьянка может есть щи, когда у нее умер сын, убитая горем женщина отвечает: «А щам не пропадать же: ведь они посланные».

Огромный смысл, глубокое знание жизни вложил в эти слова Тургенев. Да и во многих проступках Голубева я не вижу ничего этакого ужасного, мало ли, в самом-то деле, нам приходится приспосабливаться к жизненным ситуациям, идти на компромиссы. В семейной жизни без компромиссов вообще не проживешь. Иначе в первый же год после брака семья развалится. Слшком уж много мы порой в литературе идеализма предъявляем к сложной и противоречивой жизни. Нет, нет, Гельман написал пьесу совсем не о том, что вот, мол, как неполадки и компромиссы трагически могут обернуться для тебя самого, для самого тебе дорогого. Это было бы слишком просто и даже примитивно. Во всяком случае, в исполнении Олега Ефремова пьеса совершенно о другом. О человеческих взаимоотношениях, которые могут украшать жизнь или делать ее мучительной даже в собственной семье. И в его исполнении это не семейная драма, а драма с далеко идущими последствиями.

В мои планы не входил подробный разбор спектакля и анализ пьесы, не мое это дело. Мне хотелось только обратить внимание именно на исключительное дарование актера Ефремова, опять проявившееся с чрезвычайной силой в новом спектакле МХАТа. Скажу только два слова об оформлении спектакля. В пьесе действие происходит в одной комнате, и, естественно, для театрального художника нет большего мучения. Но талант Боровского блеснул и на этот раз. На сцене три комнаты, но две из них — справа и слева от спальни, в которой идет весь спектакль, затемнены, и только контурами, будто видениями, чудятся нам расставленные в этих комнатах предметы. Там есть все, кроме жизни. Хозяин не живет там, он с утра до ночи на работе. Его жилье — кухня, где он, видимо, наскоро ест по утрам и вечерам, ванная, туалет (они обыгрываются за кулисами) — и спальня — место короткого покоя. Там, в этих холодных пустых комнатах, кукуют часы-кукушка, но и этот милый предмет уюта ни для кого.

И последнее. Я прошу извинения у прекрасной актрисы Татьяны Лавровой за то, что не пишу о ней. В данном случае мне хотелось говорить только об игре Ефремова.

И совсем последнее. Осмысляя исполнение Ефремовым роли Голубева, я не упускаю из виду того, что нам, драматургам, важно писать не только идейно-смысловые крупные пьесы, но при важности проблем заботиться о том, чтобы роли были хороши.